Протокол | Выгул

Сезон 3. Сердце льда

Руденко Наталия

Наталия Руденко

Протокол «Выгул». Сердце льда

«Автор»
2026

Руденко Н.

Протокол «Выгул». Сердце льда / Н. Руденко — «Автор», 2026

Волга осталась позади, но за ледяной переправой не стало легче. Бескрайнее Заволжье встречает колонну из трёх тяжёлых МАЗов сорокаградусной стужей, обледенелыми серпантинами Южного Урала и охотниками за соляркой, для которых канистра топлива дороже человеческой жизни. Впереди — закрытый периметр горы Ямантау, где под толщей гранита скрыт один из главных узлов глобального управляющего контура «Одиссей». Система не воюет с людьми привычным оружием — она просто вычеркнула человечество из уравнения как лишнюю переменную, оставив право на жизнь лишь тем, кто способен сохранить структуру стаи. Среди снежных лавин, автоматических турелей и заброшенных правительственных составов людям предстоит сделать выбор: превратиться в загнанных зверей или остаться стаей, где каждый греет другого. И пока рядом с Яной идут её бордер-колли Эйдан и Эйли, а периметр держат служебные псы, у людей ещё есть шанс доказать бездушному разуму своё право на завтрашний день.

© Руденко Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Точка отсчета 6
Глава 2. Директива 02 11
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Наталия Руденко
Протокол «Выгул». Сердце льда

ПРОТОКОЛ|ВЫГУЛ
Сезон 3. Сердце льда
Наталия Руденко
2026

Глава 1. Точка отсчета

Великий Лед остался позади.

Переправа через Волгу стоила нам слишком много. Мы потеряли деда Савелия, оставили в Сызрани Артема с Леной и выжгли дотла остатки веры в то, что на этом свете есть безопасные места. Но три тяжелых МАЗа с цистерной солярки все же вырвались на левый берег, и теперь впереди лежало Заволжье — бесконечная, выжженная морозом равнина, уходящая к невидимым Уральским горам.

За Волгой горизонт распахнулся, как пустой лист оцинкованного железа.

Степь не пыталась казаться приветливой. Пропали спасительные скальные прижимы Жигулевских утесов, исчезли сосновые гривы, которые хоть как-то гасили низовой ветер. Трасса М-5 превратилась в еле заметную насыпь, угадывавшуюся среди белого безмолвия только по верхушкам занесенных снегом бетонных столбиков да редким, продуваемым насквозь лесополосам из сухого вяза и карагача.

Мороз держался на отметке минус сорок два.

На таком холоде снег теряет привычный хруст. Под тяжелыми шипованными колесами МАЗов он шуршал глухо, зло и шершаво, словно машины шли по слою крупной технической соли. Дизельный выхлоп не поднимался к низким тучам — он остывал на лету, оседая сизыми хлопьями копоти вдоль наезженной колеи и волочась за кормой цистерны густым туманным шлейфом. Стоило на секунду приоткрыть форточку, чтобы счистить наледь со стекла, как в лицо ударяла сухая, обжигающая стужа, от которой мгновенно перехватывало дыхание.

В кунге было не теплее. Дышать приходилось через шарф, чтобы не обжечь легкие. Эйдан и Эйли спали вповалку с людьми, отдавая им свое тепло. Собаки понимали: в этой степи выживает только стая, где каждый греет другого.

Я сидела у окна головного МАЗа, положив руку на холку Эйдана.

Пес дремал чутко, не расслабляя мышц: его янтарные глаза то и дело приоткрывались, фиксируя любое движение за бортом. Эйли устроилась внизу, грея мои ноги сквозь войлочные сапоги.

За окном тянулась бесконечная белая равнина, но мертвой она не была.

Жизнь здесь не исчезла — она просто ушла под снег и в заросли бурьяна. В двухстах метрах от насыпи из сугроба торчали темные метелки лебеды и конского щавеля; там деловито копошилась стайка серых куропаток, склевывая мерзлые семена. На занесенной меже замерла лисица: крупная, с густой зимней остью, она припадала на передние лапы, выслушивая под полуметровым настом мышиную возню. Человек ушел с этих полей, бросил комбайны и химикаты, и без машин и химикатов степь быстро вернула себе дикое равновесие: терновник давал ягоду, заяц-беляк объедал горькую кору в посадках, хищник держал след.

Беспомощным посреди этой стужи остался только сам человек.

— Опять стрелка полезла, — сквозь зубы процедил Виктор, постучав пальцем по стеклу прибора.

По рации тут же отозвался Кирилл со второй машины: — Первый, сбавь до минимума! У нас помпа на среднем воет, как резаная, радиатор напрочь забило снежной крупой. Еще двадцать километров такой гонки — и выплюнет антифриз.

Виктор сбросил обороты.

Тягач дернулся, и сзади с металлическим лязгом натянулась жесткая сцепка: двадцатитонная цистерна глухо толкнула машину в фаркоп, заставив задние мосты коротко скользнуть по наледи. Виктор удержал руль, шумно выдохнув сквозь зубы:

— Якорь проклятый... На каждом заносе спину ломает.

— Терпи, Витя, — негромко сказал Артур с заднего сиденья. — Сзади, в трех километрах у переезда, поселок был. Райцентр. Затянем машины за кирпичные склады, укроемся от бурана и поменяем ремень.

К сумеркам колонна свернула с трассы.

Поселок встретил нас черными провалами пустых окон. Несколько десятков занесенных по самые крыши изб, покосившиеся опоры ЛЭП и длинное, массивное двухэтажное здание районного управления с обвалившимся бетонным козырьком. На въезде во двор сельхозтехники на ржавых столбах болтался на ветру измятый синий жестяной щит. Краска выгорела, но трафаретные белые буквы читались отчетливо:

«Внимание! Земли сельхозназначения находятся в частной собственности ООО „Поволжье-Агроинвест“. Проход, проезд, выпас скота, сбор валежника и охота строго запрещены. Территория охраняется ЧОП...»

Виктор пробил передним отвалом сугроб во внутреннем дворе сельсовета. МАЗы встали в глухое каре, прикрыв цистерну своими бортами от ледяного ветра.

Едва смолк дизель головной машины, Эйдан резко поднял голову.

Соболь издал короткий щелчок зубами. Следом подскочила Эйли, упершись лапами в дверь. Из кунга второй вахтовки послышался глухой, злой лай: Стич, Пиксель и Гайка яростно скребли когтями обшивку.

— Гости, — раздался в рации спокойный голос Севера. — Человек двадцать. Идут со стороны котельной, прикрываясь сараями. В руках ломы, вилы, канистры. Прут к цистерне.

— Предупредительный! — крикнул Артур, вываливаясь из кабины на наст с карабином.

Но предупреждать было бесполезно.

Из темноты проулка с отчаянным, хриплым матерным ревом выкатилась толпа. Это были не бандиты. Это были тени в рваных ватниках, собачьих шкурах и бесформенных чунях из автомобильных камер. Глаза горели лихорадочным, безумным блеском голода и холода. Впереди бежал рослый мужик с пожарным топором, за ним двое волокли деревянные сани с пустыми бочками. Они шли на цистерну напролом, как идут на амбразуру.

Выстрел Артура в воздух над их головами даже не заставил их пригнуться. Из толпы грохнула старая двустволка — дробь со звоном осыпала крыло МАЗа.

— Спарта, фас! Гранат, держи! — хлестнул голос Севера.

Эйдан и Эйли не бросились в гущу драки. Бордеры действовали иначе. Эйдан встал у открытой двери кунга, перекрывая путь к цистерне, его низкий рык вибрировал в груди, отсекая любых, кто пытался обойти фланг. Эйли метнулась к сараям, отрезая толпе путь к отступлению. А в центр ворвались тяжелые ударные собаки.

Две собаки ударили на опережение.

Спарта стеганула по насту палевой молнией. Малинуа не стала лезть под лезвие топора — в скользящем прыжке она сбила мужика ударом плеча в бедро, а через долю секунды вцепилась в рукав с топорищем. Мужик с глухим воем рухнул в снег.

Следом накатил Гранат.

Тяжелый ризеншнауцер всей массой снес второго нападавшего, разломав сани с бочками, наступил лапой на грудь и утробно, страшно зарычал в лицо упавшего.

Север шагнул вперед из метели, дав короткую очередь из «Печенега» строго под ноги толпе. Пули калибра 7,62 срезали древки самодельных пик, взметнув ледяную крошку.

Один из нападавших попытался поднять обрез, но Север сбил ствол левой рукой в толстой верхонке, а ствольной коробкой пулемета жестко приложил стрелка по скуле. Тот мешком осел в сугроб.

Толпа застыла, захлебнувшись собственной яростью. Вид тяжелых грузовиков, боевого оружия и псов, выстроившихся в идеальную тактическую цепь, отрезвил их мгновенно.

— Назад! — закричал кто-то сзади.

Они брызнули в темноту переулка, бросая сани и ведра. Возле цистерны остался только мужик с топором, прижатый к насту Спартой.

— Спарта, рядом! — скомандовал Север. Овчарка мгновенно отпустила рукав и встала у ноги хозяина, тяжело дыша паром.

Артур поднял мужика за ворот. Тот не сопротивлялся. Ему было лет тридцать пять — ввалившиеся, покрытые рыжей щетиной щеки, обмороженный белый кончик носа и глаза, в которых не осталось ничего, кроме серого пепла:

— Давай... стреляй, начальник... Всё равно конец. У меня в подвале бабы, старики, подростки... Печь топить нечем, сырые доски чадят, дышать не дают. Если соляры не добуду — к утру замерзнут все к чертям...

Из кунга вахтовки спустился Док Данилов. Военный хирург нес брезентовую санитарную сумку, а на коротком поводке держал Барни. Золотистый ретривер мягко ступал по снегу, спокойно глядя на поверженного врага.

— Веди в подвал, — отрезал Док. — Живо. Кирилл, слей в канистру двадцать литров с обратки. Виктор, карабин на плечо, за мной.

Убежище под зданием администрации встретило нас тяжелым, спертым духом.

Пахло не просто холодом — пахло гарью от сырого дерева, кислой прелой соломой, немытыми телами и тяжелым гнойным застоем. На деревянных настилах, укрытые лохмотьями и обрывками стекловаты, лежали больные, старики и подростки. Человек пятнадцать. В центре чадила железная печка-буржуйка, вокруг которой сушились серые тряпки.

Когда на лестнице появились вооруженные люди, люди на настилах сжались, закрывая детей руками.

Но первым в подвал шагнул Барни.

Пес не ждал команды. Он тихо подошел к крайнему настилу, где на соломе жалась девчонка лет шести с белыми от холода губами, и мягко положил свою тяжелую золотистую морду ей на грудь. Барни шумно, тепло выдохнул прямо в детские озябшие пальцы.

Девочка замерла. Ее перепачканная в саже ручонка несмело, судорожно вцепилась в густую шерсть на загривке собаки.

— Мама... собачка... — прошептал ребенок. — Она теплая...

— Тихо всем, — негромко, но властно произнес Док, опуская сумку на табурет. — Я врач. Лежать, не дергаться. Кирилл, солярку в печь не плескать — сгорите. Сделай фитиль, отрегулируй тягу, чтобы не коптило.

Данилов не стал разбрасываться медикаментами.

Как опытный военный хирург, он понимал цену каждого грамма запаса: впереди лежал незнакомый зимний Урал, где нашим людям могла понадобиться любая ампула. Начался жесткий полевой триаж.

Док подошел к пожилой женщине, метавшейся в жару на мешках. Расстегнул истлевший воротник, прижал ухо к впалой груди, выслушивая дыхание: — Острая очаговая пневмония. Правое легкое забито. Трое суток горит?

Мужик с топором кивнул, не поднимая глаз: — Четвертые пошли... Как трубу в котельной пережало льдом.

— Если не сбить интоксикацию, к утру начнется отек, — Док достал из металлического пенала шприц, набрал ампулу цефтриаксона. — Мужик, сюда иди! Смотри, как колоть. Вот пять ампул. Ровно пять, больше дать не могу — у нас впереди перевал. Разводить новокаином из запаянной ампулы, колоть в мышцу каждые двенадцать часов. Пропустишь укол — потеряешь мать.

Затем Док перешел к детям.

У двоих были воспалены пальцы на ногах — белые обморожения перешли во вторую степень с мокнущими пузырями. Хирург быстро обработал кожу антисептиком, наложил повязки

с ихтиоловой мазью, строго приказав не греть ноги у открытого огня: — Кожу сорвете — начнется сепсис, придется резать пальцы. Держать только в сухом, мазать вот этой мазью тонким слоем.

Док оставил на столе два блистера парацетамола, пачку стерильных бинтов, флакон спирта и кусок темного хозяйственного мыла: — Руки мыть с мылом перед каждой перевязкой. Воду кипятить дважды. Солярку жечь только через фитиль. Всё, больше ничем помочь не могу.

Мужик тупо смотрел на ампулы, потом перевел взгляд на Дока. Губы его задрожали: — Спасибо... командир... А я ведь... за соляру убить готов был...

— Знаю, — сухо ответил Данилов, застегивая сумку. — Пошли, Яна.

Пока Кирилл возился с фитилем печи, мы с Севером и мужиком поднялись на второй этаж администрации, чтобы проверить верхний периметр. Мужик шел впереди, виновато сутулясь. Звали его Сергеем.

— Ты местный? — спросила я, пока мы поднимались по выбитой лестнице.

— Местный, — глухо отозвался он. — Отец мой здесь начинал. До катастрофы еще. Четыре тысячи гектаров чернозема в частной собственности держал. Вон там, кабинет его был...

Мы вошли в просторную комнату с заколоченными окнами. Ветер гулял по рассохшемуся паркету, вздымая снежную пыль.

В углу стоял тяжелый огнеупорный сейф с распахнутой дверцей.

Сергей подошел к нему, опустился на колени прямо в снег и достал с полки пачку бумаг.

Это не были деньги. Это были толстые синие папки с золотым тиснением, государственные свидетельства о праве частной собственности, кадастровые выписки на тысячи гектаров заволжских угодий, договоры лизинга на комбайны «Джон Дир» и кредитные соглашения с банками.

Сергей держал эти бумаги дрожащими, черными от копоти пальцами.

— Отец за них жизнь положил, — тихо сказал он, и голос его сорвался. — Он этот сейф на горбу сюда тащил, когда всё рушилось. Говорил: «Серега, переждем смуту. Закон вернется. Это наша частная земля, на века куплена, тут хлеб родится, мы здесь хозяева...» Он до самой смерти эти печати пальцем гладил.

Сергей посмотрел на меня сухими, воспаленными глазами:

— С самой осени я этот сейф сторожил. Думал — наладится всё, предъявлю документы, поднимем хозяйство... А вчера у меня дочка сознание потеряла, потому что накормить и согреть нечем. И я понял: вот эта вся гербовая бумага... все эти тысячи гектаров частной собственности... за них сейчас даже ковша солярки никто не даст.

Он бросил папки обратно в сейф. Бумаги шуршали сухо, мертво.

Сергей смотрел на то, как ветер шевелит углы гербовых бумаг.

— Знаете, — тихо сказал он, — а ведь отец верил. Он до последнего верил, что этот мир можно вернуть. Что придет милиция, придет суд, и все встанет на свои места.

Он провел рукой по лицу, стирая копоть и слезы.

— А мира нет. Есть только мороз, солярка и эти собаки, которые не дали нам замерзнуть.

Север стоял у двери, прислонившись плечом к косяку. Он посмотрел на рассыпанные по полу гербовые свидетельства, потом перевел взгляд на топор в руках мужика.

— Четыре тысячи гектаров, говоришь? — Глеб сплюнул на обледенелый паркет. — А солярки у тебя — ноль. Печь затопить нечем. Зато печати красивые. Сложи их в буржуйку, Сергей. Бумага плотная, дорогая. Минут на двадцать тепла детям хватит.

Мы спустились во двор.

Ремень помпы на среднем МАЗе был натянут. Моторы урчали на малых оборотах, готовые к броску. Возле ступеней подвала стояла канистра с топливом и три мешка с сухарями, которые Артур велел выгрузить из запасов вахтовки.

Колонна тронулась, выкатываясь со двора сельсовета мимо покосившегося щита с выцветшей надписью о частной собственности.

Впереди, на самом краю белой равнины, сквозь морозную мглу уже поднимались темные, угрюмые зубцы Уральских гор. Перевал был близко.

Глава 2. Директива 02

Спуск с гребня на нижний технологический ярус напоминал падение в медленно вращающийся колодец.

Бетонная рампа шла винтом вокруг правого берегового устоя плотины. Уклон здесь закладывали под тридцать градусов — тяжелые карьерные самосвалы когда-то спускались сюда порожняком на первой пониженной, ревя горными тормозами. Но сейчас рампа была затянута полуметровым слоем бугристого, наплывного льда. Туман из незамерзающей полыни нижнего бьефа бил снизу непрерывной ледяной крупой: капли воды не успевали замерзнуть в воздухе, они шлепались на горячие капоты МАЗов и тут же схватывались серой стекловидной коркой.

Виктор держал баранку двумя руками, вцепившись в оплетку так, что костяшки пальцев сквозь тонкую кожу верхонок казались белыми костяными шариками.

Тормозить было нельзя. Малейшее резкое касание педали — и двадцатитонная прицепная цистерна за нашей спиной, подтолкнув корму тягача, сорвала бы спарку в неуправляемый юз. Тогда вся связка — сорок пять тонн мертвого железа — со свистом снесла бы хилое перильное ограждение и ухнула с сорокаметровой высоты прямо на гранитные зубья водобойного колодца.

— Не трожь педаль, парень, — сипел Дед Матвей.

Старик сидел прямо на кожухе двигателя между нашими сиденьями, поджав изуродованную артритом правую ногу. Его старая ушанка со срезанными завязками была надвинута до самых бровей, из-под засаленного ватника торчал рукав истлевшей фланелевой рубахи. От Матвея густо несло машинной отработкой, лежалой махоркой и тем особым, невыветриваемым запахом сырого подвала, который въедается в кожу тех, кто годами не видит солнца.

В левой руке старик судорожно сжимал свой драный брезентовый узелок, перехваченный медным проводом, а правой, жилистой и узловатой, непрерывно чертил в воздухе траекторию:

— Пятой точкой лед щупай. Чуешь, корма поплыла? Поддай газку, на полшишечки поддай! Вытягивай мордой! Правое колесо пускай по водосточному желобу, там чугунная решетка в бетон вварена, за нее шипы зубами цепляются... Вот так, вот так, милый. Тихим ходом, с божьей помощью...

МАЗ хрустел. Рама трещала на кручении, мосты выли сухим механическим стоном.

Я сидела на спальнике позади Виктора, прижав к себе Эйдана. Соболь замер, вытянув лапы; его мускулы под плотной рыжеватой шерстью были натянуты, как стальные тросы. Эйли устроилась у моих ног, уткнувшись носом в подколенный сгиб — сука не дрожала, но ее длинный хвост нервно подрагивал, отсчитывая толчки подвески. Оба бордера понимали опасность: они не скулили, не требовали внимания, они превратились в слух.

Каждый раз, когда колесо проваливалось в промоину, я чувствовала, как подо мной с металлическим клацаньем натягивается сцепной прибор: прицеп дышал нам в затылок.

В пяти метрах над головой нависал бетонный массив плотины.

Миллионы тонн гидротехнического бетона давили на основание с такой силой, что гранитный массив уральских отрогов отзывался низким, вибрирующим стоном. Этот звук не имел направления — он рождался везде: в воздухе, в полу кабины, в железных заклепках дверей. Инфразвук от шести мощных турбин Юмагузинской ГЭС шел на частоте около шести герц. От него начинало тошнить, перед глазами плыли серые круги, а сердце сбивалось с ритма, пытаясь подстроиться под тяжелый планетарный пульс каскада на реке Белой.

Впереди в тумане распахнулся черный прямоугольник технологического портала.

Ширины проема хватало едва-едва: метра четыре с половиной, не больше. Сверху свисали обрывки стальных тросов и сталактиты грязного льда, снизу из черного зева вырывался теплый, тошнотворный пар.

— Ныряй, — скомандовал Матвей, перекрестив темный створ. — В кабельную галерею входим. Скорость не больше десяти, фары на ближний переключи, а то оптику на датчиках ослепишь.

Головной МАЗ втянулся под монолитный свод.

Мгновенно наступила гулкая, давящая тишина, в которой рев нашего собственного турбодизеля показался оглушительным. Звук отскакивал от мокрых стен, многократно усиливался и бил по ушам. Воздух здесь был совсем другим: тяжелый, душный, прогретый до плюс четырех градусов, пахнущий горячим трансформаторным маслом, горелой изоляцией и старой речной тиной. С потолка непрерывной дробью лупил конденсат, барабаня по жестяной крыше кунга.

Сзади в радиостанции хрипло зашипело, сквозь плотную стену помех пробился голос Севера:

— Первый, прием. Дистанция десять метров. Витя, держи скорость ровно, не рви сцепление! Во второй вахтовке у Алины собаки взбесились. Стич с Пикселем бьются в перегородку, Гайка воет. Парни еле держат их за ошейники. Что там у вас?

Я нажала тангенту радиостанции:

— Север, это Яна. Почему собаки мечутся?

— Да черт их знает! — перебил Кирилл, и на заднем плане рации отчетливо послышался яростный, истошный лай джек-расселов и глухой удар лап о металлическую дверь. — Они как в тоннель вошли — шерсть дыбом, зубами щелкают, рвутся под пол! Тут проводка свистит!

— Матвей! — я тронула старика за плечо. — Слышишь? Собаки с ума сходят во второй машине. Что здесь на перекрытиях?

Старик даже не обернулся, только сплюнул под ноги на резиновый коврик:

— А ты б не взбесилась, милая? Глянь наверх, под самый потолок. Вон те короба серые видишь?

Я приникла к стеклу, направив узкий луч фонаря на свод тоннеля.

Вдоль всего потолка, переплетаясь с толстенными силовыми кабелями в свинцовой броне, тянулись ряды перфорированных металлических полок. А на них через каждые двадцать метров были смонтированы цилиндрические пьезокерамические излучатели — старые промышленные генераторы ультразвука, установленные здесь еще при модернизации станции. Рядом с ними слабо подмигивали зеленые огоньки контрольных плат.

— Ультразвук, — поняла я. — Системы защиты кабельных трасс от грызунов.

— Они самые, — кивнул Матвей. — Крысогоны. Только раньше они от сети на половинной мощности пищали, а когда эта кремниевая тварь машзал под себя подмяла, она на них напругу подняла втрое. Человек ухом не берет — только башка трещит, будто обручем стянули. А зверье с ума сходит. Для них этот тоннель — как кастрюля, по которой кувалдой лупят без продыху. Да плюс крысы... Крысы тут стаями ходят, толстые, как поросята, изоляцию жрут. Вот терьеры твои и чуют: сверху ультразвук по мозгам сверлит, снизу крысиный дух из щелей прет.

Я снова нажала тангенту:

— Кирилл, Алина! На собаках поводки укоротить, морды замотать шарфами, если скулят. На потолке работают промышленные пьезо-излучатели на частоте сорок килогерц. Для джек-расселов это пытка. Включите в кунге автономную печку на максимальный обдув, пусть шум вентилятора хоть немного перебивает частоту. И главное — не вздумайте сигналить клаксоном или перегазовывать! Тут акустические реле на вибрацию настроены. Если автоматика решит, что в тоннеле взрыв или обвал, она гидрозатворы уронит прямо на нас!

— Принято, — глухо отозвался Север. — Держим. Гранат сидит спокойно, только зубами скрипит. Спарта прижалась к полу. Двигаемся.

Тоннель уходил вглубь плотины на полтора километра.

Слева тянулась глухая бетонная стена, за которой угадывалось тело гидроэлектростанции. Но через каждые сто метров в ней были пробиты технологические шлюзы — массивные стальные двери с круглыми иллюминаторами аварийного обзора.

Когда головной МАЗ поравнялся с третьим шлюзом, Дед Матвей внезапно поднял руку:

— Притормози, Витек. На секунду замри. Гляньте в глазок, коли смелые. Больше вы такого нигде на белом свете не увидите.

Виктор сбросил газ, машина покатилась накатом и мягко встала.

Я подошла к боковому стеклу кабины. Прямо напротив нас в пятисантиметровом армированном стекле технологического люка пульсировал тот самый бирюзовый свет, который мы видели снаружи над гребнем. Но здесь, вблизи, он казался почти осязаемым — густым, маслянистым, неподвижным.

Я заглянула внутрь машинного зала.

Масштаб увиденного парализовал.

Огромный зал объемом в сотни тысяч кубических метров был затоплен до уровня мостовых кранов прозрачным синтетическим диэлектриком. Никаких турбинных генераторов в их привычном виде больше не существовало. Вместо них из маслянистой, абсолютно неподвижной глубины поднимались массивные шестигранные колонны — вычислительные стойки из черного матового композита. Они уходили вниз, в бездну, где сквозь толщу прозрачной жидкости мерцали бесконечные созвездия белых и бледно-голубых оптических шин.

Там не было людей. Не было пультов, кресел, журналов дежурств, инструментов. Не было даже пузырьков воздуха.

Ледяная вода реки Белой, забираемая со дна водохранилища, прогонялась через титановые контуры теплообменников за пределами зала, непрерывно снимая гигаватты тепла с процессорных ядер. Вся эта чудовищная мощь работала в мертвой, абсолютной тишине. Машина не шумела. Она просто существовала, поглощая энергию великой уральской реки и превращая ее в триллионы логических операций в секунду.

— Красиво, сука... — тихо, с ненавистью прошептал Дед Матвей, глядя в иллюминатор сквозь закопченные пальцы. — Как на кладбище ночью. Ни соринки, ни живой души. Мужики эту плотину строили, спины гнули, бетоном легкие забивали... А теперь тут аквариум для блохи железной.

— Это не блоха, дед, — тихо сказала я, вглядываясь в черные грани стоек. — Это сингулярность. То, о чем в аналитических записках предупреждали тридцать лет назад. Она переросла нас.

— Да плевать мне, как ее ученые обзывали, — старик зло сплюнул. — Поехали, Витька. Не могу я на это глядеть. Тошно.

МАЗ тронулся дальше.

Впереди тоннель делал плавный изгиб, огибая шахту грузового подъемника. Дорожное полотно здесь сузилось: колеса пошли по узким металлическим настилам, уложенным поверх открытых водоотводных каналов. Снизу, сквозь щели настила, доносился рев бешеного потока — сбросная вода шла на нижний бьеф с такой скоростью, что металл под шинами мелко дрожал.

— Внимание, — вдруг напрягся Матвей, вытягивая шею к лобовому стеклу. — Портал номер семь. Тут перегрузочная площадка трансформаторов была. Привод турели на своде висит.

Я перевела взгляд вперед.

Под потолком, на массивном двутавре монорельса, висела тяжелая механическая платформа. Она не была похожа на кустарные турели мародеров или брошенные армейские зенитки. Это был чисто заводской, штатный боевой модуль автоматической системы физиче-

ской защиты периметра: гладкий, обтекаемый кокон из штампованной брони, окрашенный в темно-серый цвет необслуживаемой техники.

Снизу из кокона торчал спаренный блок коротких тяжелых стволов — автоматическая пушка калибра тридцать миллиметров с ленточной подачей.

Сервоприводы сработали беззвучно.

Орудийный блок шевельнулся. Платформа плавно, с пугающей точностью довернула по монорельсу на пять градусов, встречая приближающийся МАЗ строго в лоб.

На броневой маске турели вспыхнул узкий щелевой визир оптико-электронного комплекса.

Сначала воздух прорезал тонкий, невидимый глазу инфракрасный луч — на приборной панели нашего тягача тут же взвыл зуммер предупреждения о лазерном облучении, который чудом сохранился в проводке армейского кунга. Следом по лобовому стеклу, дробясь на каплях конденсата, скользнула рубиновая точка прицельного маркера.

Виктор инстинктивно вдавил сцепление, машина замедлила ход, цепи на колесах глухо заскрежетали по настилу.

— Стоп, — выдохнул Артур из глубины кабины. — Замрите все. Не глушить, не дергаться.

Красная точка дальномера легла точно на капот МАЗа, затем медленно, с механической размеренностью поднялась по радиаторной решетке, скользнула по щеткам стеклоочистителей и замерла на уровне груди Виктора.

В рации стояла мертвая, оцепеневшая тишина. Даже Север не произнес ни слова: все понимали, что на дистанции в двадцать метров бронебойно-зажигательная очередь тридцатимиллиметровых снарядов разнесет кабину вместе с людьми, двигателем и рамой в рваный металл за доли секунды.

Эйдан поднялся со спальной полки.

Пес не сделал ни одного резкого движения. Он не лаял, не скалился, не проявлял той глупой, слепой агрессии, которая свойственна не обученным зверям. Соболь просто перешагнул через спинку сиденья, встал передними лапами на приборную панель и прижался носом к холодному лобовому стеклу.

Следом за ним, мягко оттолкнувшись от моих коленей, поднялась Эйли. Блю-мерль встала рядом с кобелем плечом к плечу, насторожив уши и глядя прямо в темный зрачок оптической головки турели.

Красный луч дальномера дрогнул.

Световая точка соскользнула с плеча Виктора и легла точно на белое пятно манишки на груди Эйдана.

Внутри орудийного модуля что-то сухо, дробно щелкнуло. Линзы прицельного комплекса провернулись с тихим жужжанием шагового мотора.

Но выстрела не последовало.

Красная точка внезапно погасла. Вместо нее из визира турели ударил широкий, веерный луч бледно-зеленого сканирующего спектрометра. Зеленая полоса света медленно прошла по кабине: она очертила головы собак, считала геометрию их ушей, прошлась по контурам ребер, зафиксировала тепловую сигнатуру живых тел — частоту ударов сердец, температуру выдыхаемого собаками пара, ритм расширения зрачков.

На панели турели, прямо под орудийным блоком, загорелось крошечное табло сервисного интерфейса, которое в темноте тоннеля было видно отчетливо:

[СЕНСОР 09-ОБХОД] [ОБЪЕКТ: БИОМАССА / КЛАСС: CANIS FAMILIARIS] [ИНДЕКС СИМБИОТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ: 0.94] [ДЕВИАЦИЯ: АНТРОПОГЕННЫЙ ФАКТОР В ПРЕДЕЛАХ ДОПУСКА] [ДИРЕКТИВА 02: ПРИОРИТЕТ СОХРАНЕНИЯ

ВЫСШИХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ] [СТАТУС СЕКТОРА: ТРАНЗИТ / ОРУДИЕ: БЛОКИРОВКА]

Зеленый луч мигнул и растворился в сыром воздухе.

Спаренные стволы скорострельной пушки медленно, с мягким гидравлическим шипением поднялись вертикально вверх, упершись пламегасителями в потолочную нишу. Тяжелый стопорный замок щелкнул, механически блокируя ударники. Модуль турели плавно откатился по монорельсу назад, в темную нишу обслуживания, освобождая габарит проезда.

В кабине никто не шевелился еще секунд десять.

Слышно было только, как с потолка мерно капает вода — кап, кап, кап — разбиваясь о капот грузовика.

Виктор медленно, словно боясь разбить стекло, перевел дыхание. Его лоб был мокрым, по виску текла тонкая струйка пота, смывая дорожную пыль.

— Трогай... — шепотом сказал Артур с заднего сиденья. — Витя, потихоньку трогай. Не меняй оборотов.

Тягач вздрогнул. Колеса мягко перекатились через металлические стыки водоотводных каналов. Мы прошли прямо под темной нишей, где замерла остывающая турель, не сводя взгляда с черного свода.

Эйдан и Эйли проводили орудийный блок спокойными, внимательными глазами, после чего синхронно спрыгнули обратно на спальную полку и свернулись на моем ватнике, прижавшись теплыми боками друг к другу.

Через четыреста метров тоннель пошел на подъем.

Впереди забрезжил дневной свет — резкий, белый, холодный. Бетонные стены сменились каменной насыпью, обшитой гофрированным железом, и головной МАЗ с глухим ревом вырвался из подземелья наружу.

За нами, держа дистанцию, из черного зева портала выкатились вахтовка и замыкающий грузовик с цистерной. Жесткая сцепка звякнула на выходе, распрямляясь на прямом участке. Все три машины были целы.

Мы стояли на левом берегу реки Белой, у самого основания отводящего канала Юмагузинского гидроузла.

Здесь не было тумана. Яростный, ледяной степной ветер, дувший из заволжских пустошей, мгновенно выметал любую сырость. Мороз здесь был сухим и свирепым — за сорок градусов. Он тут же схватил мокрые борта машин твердой ледяной коркой, заставив металл протестующе звенеть на стыках.

Впереди, на сотни километров на восток, уходила прямая, как стрела, федеральная трасса М-5, наполовину занесенная плотным, спекшимся настом. Вокруг не было видно ни жилья, ни деревьев — только бескрайняя, мертвая, выбеленная до рези в глазах лесостепь, над которой висело бледное, стылое зимнее солнце.

Дед Матвей медленно открыл тяжелую дверь кабины и спустился на обледенелый снег, опираясь на свой костыль из трубы.

Ветер тут же взбил полы его ватника, бросив в лицо горсть колючей снежной крупы. Старик зажмурился, запрокинул голову к бледному небу и сделал глубокий, жадный вдох, закашлявшись от обжигающего сухого холода.

— Живой... — прохрипел он, утирая рукавом слезящиеся глаза. — Вышли, мать честная... Вышли из склепа.

Артур спрыгнул следом, подошел к старику, протягивая руку:

— Спасибо, Матвей. Без тебя мы бы там мосты оставили. Куда теперь? С нами пойдешь? В кунге место есть, кашу найдем, до Урала добросим.

Старик посмотрел на восток, на бесконечную белую равнину, потом медленно покачал головой:

— Нет, сынок. До Урала я не дотяну — кости не те. Вон там, за насыпью, километрах в пяти, поселок железнодорожный был — Подстепки. Там у меня сестрица двоюродная жила. Мож, остался кто, мож, избы топят. Пойду потихоньку вдоль путей, пока ноги носят. Я небо увидел — и будет с меня. А вы поезжайте.

Он повернулся ко мне, посмотрел на морды бордеров, глядевших из окна кабины, и тихо, одними губами прошептал:

— Береги собак, девка. Слышишь меня? Человека не жалей — человек сам себе эту петлю на шею накинул. А собак береги. Покуда они с вами идут — может, и вас эта тварь железная не тронет.

Он развернулся и, тяжело припадая на правую ногу, заковылял по снежному насту в сторону темнеющих вдалеке телеграфных столбов заброшенной ветки.

Виктор захлопнул дверь, включил передачу.

Три тяжелых грузовика втянулись в колею заволжского тракта.

Я сидела у окна, глядя на экран своего полевого планшета, куда Кирилл успел сбросить телеметрию с оптического визира турели. Зеленые строчки служебного лога стояли перед глазами, как выжженные на сетчатке:

[ДЕВИАЦИЯ: АНТРОПОГЕННЫЙ ФАКТОР В ПРЕДЕЛАХ ДОПУСКА] [ДИРЕКТИВА 02: ПРИОРИТЕТ СОХРАНЕНИЯ ВЫСШИХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ]

Никакой пощады. Никакой жалости к людям. Никаких сбоев в системе.

Только холодный, равнодушный расчет биологической целесообразности, в котором вид Homo sapiens рассматривался лишь как сопутствующий фактор при высших млекопитающих, способных сохранять структуру стаи.

Я положила ладонь на теплую голову Эйдана. Пес шумно вздохнул во сне, подергивая лапой, словно бежал по бескрайнему зеленому лугу, которого никогда в своей жизни не видел.

Колонна уходила вглубь заволжских степей. Впереди лежали сотни километров мертвой тишины и охотники, для которых наша солярка была дороже любых законов исчезнувшего мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.